

Глава 1

В КОТОРОЙ ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Над полем ристалища поплыл резкий и чистый звук сигнального горна. Два рыцаря в блестящих латах пришпорили своих коней и понеслись навстречу друг другу, наклоня копыта для таранного удара. Вот всадники на полном скаку сблизились. Удар! Треск ломающихся копий! И один из рыцарей вылетает из седла своего боевого скакуна прямо на песок ристалища. У-у-у! Я невольно ему посочувствовал. Я прекрасно помнил, как точно так же летал. Если бы не крепкие доспехи, то меня бы после такого собирали по кусочкам. А так только плечо вывихнул и несколько ссадин заимел. Неприятное воспоминание. Люди на трибунах, увидев такое зрелище, радостно взревели. Толпа ждала зрелища, и она его получила.

— А красивый полет нам тут продемонстрировал этот англичанин? — воскликнул человек, сидевший рядом со мною.

Я покосился на него и ухмыльнулся. Позвольте представить! Мой самый лучший друг Мишка. Он же Михаил Медведев. Он же Гризли. Да, вот такой у моего закадычного друга грозный позывной.

Он у него такой еще с чеченской войны. Говоря, что Мишка мой самый лучший друг, я немного кривлю душой. Он является единственным человеком, которого я могу назвать своим другом. А все остальные для меня просто приятели, знакомые и товарищи. И им свою жизнь я никогда не доверю. А вот Мишке доверю. Мы столько раз спасали друг друга, что я со счета сбился. Да что там друг? Он мне давно уже стал братом. Это единственный близкий мне человек в этом жестоком мире. И вот мы, два насквозь русских человека сейчас сидим среди иностранцев на трибуне этого турнира исторической реконструкции в северной Франции. И смотрим, как современные люди, одетые в средневековые доспехи, изображают рыцарей. И зрелище это мне нравится. Оно здесь гораздо динамичней и правдоподобнее, чем тот вялый беспредел, что мы наблюдали на «Битве наций». Вот то пафосное мероприятие мне совсем не понравилось. Не турнир исторической реконструкции, а слет борцов сумо в латах. Там я никакого красивого и исторического файтинга не увидел. Тупое и вялое перепихивание с элементами дворовой борьбы. А здесь бойцы показывали неплохой класс. Работали в полный контакт. Сражались технично и зрелищно. Молодец французик! Вон как красиво ссадил с коня того англичанина. Прямо как в кино. Так, стоп, стоп! А теперь все по порядку. Хотите знать, как мы здесь оказались и что тут происходит? Сейчас расскажу подробнее.

Итак, зовут меня Андрей Викторович Каменев. Родился и вырос я в небольшом сибирском городке. Родителей своих я не помню. Они погибли в авто-

катастрофе, когда мне было пять лет. Других родственников у меня не нашлось. И я загремел в детский дом. И познал все прелести жизни детдомовца. Издевательства и побои со стороны местных шпаниюков. Дети бывают такими жестокими уродами. К счастью, я быстро понял, что никто там меня не защитит, кроме меня самого. А для этого надо быть сильнее. Поэтому я стал с энтузиазмом заниматься спортом. Ничего такого особенного я не делал. Наш детский дом не мог похвастать нормальным спортивным залом. Не было там новомодных и навороченных тренажеров, которыми пускают пыль в глаза многочисленные фитнес-центры. Были лишь старый спортивный инвентарь и физрук. Этот бывший кандидат в мастера спорта любил выпить. На своей жизни и карьере в большом спорте он давно поставил крест. И прозябал по-тихому в нашем детском доме. Но моя тяга к спорту ему понравилась. И он взял надо мной шефство. Эх! Если бы не алкоголь, то из дяди Федора получился бы неплохой тренер для команды олимпийских призеров. Но зеленый змей есть штука дуже страшная и деструктивная. Однако в те моменты, когда наш физрук был относительно трезв, он занимался со мной. Направлял, учил правильно развивать свое тело. И он же мне, лопухому желторотику, популярно объяснил, что для нормальных занятий спортом вовсе не нужны дорогушие и сложные тренажеры. Для этого вполне подходил даже старенький спортивный инвентарь нашего детдомовского спортзала. А спортивные тренажеры и снаряды можно сделать и из подручных материалов, если особо припрет. Люди вон в прошлом как-то развивали свои тела без высокотехноло-

гичных гаджетов и электронных беговых дорожек. В общем, я окунулся в мир спорта. Поначалу было тяжело. Все тело ломило и стонало после тренировок с дядей Федором. Мышцы не слушались, связки протестовали. Но со временем я втянулся, и мне даже понравилось. Понравилось ощущать, как тело наливается силой.

Кстати, драться меня дядя Федор тоже учил. Он же в молодости служил в воздушно-десантных войсках. А там на совесть учат выводить из строя противника голыми руками и ногами. И эту науку бывший десантник и бывший спортсмен не забыл. Хотя бывших десантников не бывает. В общем, эти уроки физрука пошли мне впрок. Уже к тринадцати годам я стал превосходить своих сверстников по всем физическим параметрам. И при этом никто мне меньше пятнадцати лет дать не мог. Вымахал я здоровенным и высоким. Дрался я тоже к тому времени очень даже неплохо. Дядя Федор всякий там бред мастеров карате и прочих единоборств из многочисленных платных секций, что их ученики не должны применять в обычной жизни свои боевые навыки, мне не втюхивал. (Ага, типа тебя бьют, а ты терпи. А все свои приемы можешь использовать только на соревнованиях на татами.) Он меня учил бить первым, исподтишка. И чтоб наверняка уложить противника одним ударом на больничную койку. Так, как учили когда-то его самого. Никаких тебе поз какающего страуса и блюющего дикобраза. Которые так любят показывать разные каратисты в фильмах и на соревнованиях.

Несколько сломанных конечностей, ребер и носов — и местная шпана стала меня уважать. В их

дела я особо не вмешивался. Никого не спасал и не защищал от этих мелких шакалов. Нет, не быть мне нормальным героем, который бы гордо и смело вступил в безнадежную борьбу со сложившейся в детском доме системой. Той самой, когда взрослые закрывают глаза на беспредел, творимый детьми, а воровская романтика вовсю цветет и пахнет среди малолеток. И администрации детского дома на это было наплевать. Как и всем представителям власти и правоохранительных органов. Все знали, что творится в стенах нашего детдома, и ничего не делали. А я что, крайний? Я просто выживал в этой клоаке. В одиночку. Соблюдая с детдомовской шпаной вооруженный нейтралитет. Я не замечал их делишек, а они не трогали меня. И малолетние бандосы ко мне не лезли. Я показал свои новые способности на практике (нескольких особо борзых энтузиастов отправил в больничку полежать), и они предпочитали не трогать такую агрессивную и опасную добычу. Психология шакалов такова: они не станут связываться без особого повода с сильными, если вокруг полно трусливых слабаков, которых можно безнаказанно тиранить и напрягать. И никаких особых поводов я этим моральным уродам не давал. Мы в упор не видели друг дружку. И именно такого расклада я и добивался, когда решил заняться спортом. Ради этого я работал и рвал жилы на тренировках.

Мои спортивные достижения заметили и взрослые. И вскоре я стал ездить на различные соревнования и детские олимпиады. Власти любят такую похвалу устраивать. И требуют от администраций школ и детских домов выставлять своих спортсменов

из числа их воспитанников. Вот и меня тоже заметили и стали привлекать для подобных мероприятий. Взяли на заметку, в общем. А я был и не против. С начальством надо дружить. И тебе воздастся. Мои поездки по различным соревнованиям от имени нашего детского дома позволили мне закончить школьный курс без троек. Признаюсь честно, не все эти оценки в моем табеле были корректными. Учителя меня сильно не тиранили и часто завышали мой балл по той же математике, физике или химии. Ну, нельзя назвать меня реальным отличником. Все эти теоретические знания были не очень интересны. Я больше предпочитал работать руками, а не напрягать мозг. Я практик, а не теоретик. Мне больше нравится что-то мастерить своими руками, а не читать про это в книгах. Вот на кой мне эта математика нужна? До сих пор не понимаю. Всякие там интегралы, функции и число Π . Они мне в дальнейшей жизни ни разу не пригодились. Вот и спрашивается, зачем детям забивают мозг таким бесполезным барахлом? Думаю, что основ счета вроде сложения, умножения и деления современному человеку хватает выше крыши. А всю остальную математическую науку оставьте упоротым ботанам и прочим специалистам умственного труда. Тем, кому по профессии математика необходима. Но я точно знал, что этот путь не для меня. Интеллектуальный труд — это не моя стихия. Я более привычен к физическим нагрузкам, а не умственным. Люблю руками работать, а не воздухом торговать. С физикой и химией такая же ситуация. На фига мне знать формулы всех химических веществ? А научиться смешивать разные ингредиенты мож-

но довольно легко и быстро без этого. Да и не светило мне стать великим физиком или химиком. И тогда какой смысл в углубленном изучении этих наук в школе? Ведь обычным людям вполне хватает знания основ. Но нет, бедных детишек пичкают чрезмерными знаниями, которые многим из них в дальнейшей жизни и не пригодятся. Типа, так положено. И точка!

А потом меня ждала армия. Косить или скрываться я от нее не собирался. Да и не хотел этого делать. Наивный юноша наслушался рассказов дяди Федора о его службе в воздушно-десантных войсках. Физрук с теплотой вспоминал те годы. И о войне в Афганистане он мне тоже много интересного поведал. Нет, не путайте ее с вторжением США в Афганистан. Задолго до этого такая страна, как СССР, посылала в ту горную местность и своих солдат тоже. Также воевали там с мировым терроризмом вроде бы. И в числе тех советских солдат был и мой тренер. Тогда еще молоденький младший сержант ВДВ. Вот на его рассказах о храбрых десантниках, гонявших по горам моджахедов, я и вырос. В общем, я хотел послужить Родине. И чтобы обязательно в десанте. Сейчас у нас, конечно, не СССР, а Россия, но десант остался. И я хотел стать десантником. Носить красивую форму с голубым беретом, прыгать с парашютом и наводить ужас на врагов. Мальчишка, блин! Что с него возьмешь. Кстати, в военкомате мою мечту о воздушно-десантных войсках чуть было не обломали. У чиновников в погонах была заявка от флота. И они хотели меня засунуть на Северный флот. Белых медведей охранять. Но меня такая перспектива не

вдохновила. Хорошо хоть в стройбат не хотели за-
пихать. И на том спасибо. Но я стоял на своем. Де-
сант и точка! Я мечтал служить только там. Спор
был жарким, но я их дожал. Может быть, тут сы-
грало свою роль то, что я был неплохим спортсме-
ном (армейцы таких кадров любят). И отзывы из
детского дома в этом плане были самыми положи-
тельными. Но скорее всего, их испугало мое заяв-
ление, что ни в какой другой род войск я не пойду.
А если направят туда против моей воли, то сбегу на
хрен оттуда. В шутку или нет, но меня даже хоте-
ли припугнуть. Типа, десантников сразу же отпра-
вляют на службу в Чечню. А я взял и согласился.
Чечня так Чечня! Лишь бы служить в воздушно-
десантных войсках.

Вот так я там и оказался. А в то время в тех го-
рах шла война. И русские солдатики гибли там
каждый день. В города России привозили цинко-
вые гробы. И я с ходу попал в эту кровавую мясо-
рубку. Меня определили в разведку. Как я и мечтал.
Долгие разведывательные рейды, многочисленные
бои, которые уносили жизни моих боевых товари-
щей. Скучное снабжение. В этой армии, куда я по-
пал, в достатке были только патроны. А вот все-
го остального постоянно не хватало. Нормальной
еды, мыла, зубной пасты, лекарств, одежды, обуви
и прочих мелочей, которых мы не замечаем в граж-
данской жизни. Грязь, вши, болезни, недосыпание
и стрессы. Не такой я себе представлял свою служ-
бу. Хотя были там и свои плюсы. И самый боль-
шой из них — это бой. Когда пули свистят над тво-
ей головой, выстрелы, взрывы, крики, адреналин.
Вот такие моменты в солдатской службе мне нра-

вились. Это была моя стихия. В бою я чувствовал себя как рыба в воде. Вместо страха был боевой азарт и кайф. Это было мое. В такие моменты я чувствовал себя настоящим. Живым! Вроде бы таких людей называют адреналиновыми наркоманами? Плевать! Мне это нравилось. Весь этот драйв и ощущение опасности.

А еще я встретил друга. Его звали Михаил Медведев. Но все звали его Мишкой или Гризли. Да, такой позывной ему наш ротный дал. Назвал Мишку в честь американского медведя гризли. Мало того что фамилия у него была медвежья, так и внешностью Мишка был похож на медведя, вставшего на дыбы. Коренастый, широкий и мускулистый. Таких еще обзывают «шкаф с антресолями». Я со своей фигурой атлета на его фоне смотрелся бледно. А я и сам парнишка не маленький. Довольно накачанный и высокий, гармонично развитый молодой человек. А вот Гризли у нас не такой. Он более массивный и широкий. Но не толстяк. Нет, не толстяк. Просто у Мишки такая конституция от природы. Коренастый, квадратный, с широкой костью. И при этом ни капли жира, сплошные мускулы. Типичный качок из подворотни. Плюс морда гопника-отморозка с массивным подбородком и переломанным носом. Для врагов этот парень выглядел устрашающе. Но я узнал его совершенно с другой стороны. Мишка был нормальным пациентом. Добрым, отзывчивым и правильным. Слова «подлость и предательство» — это не про него. Мы с ним как-то сразу сошлись. И прикрывали друг другу спину в бою. Все трудности и радости делили пополам.

А перед самым дембелем его ранило. Тяжело. Наша группа попала в засаду. «Чехи» нас подловили. И Гризли схлопотал в том бою осколки в бедро и левый бок. Наскок боевиков мы тогда еле смогли отбить. А из всей группы уцелели только я и Мишка. Все же остальные наши боевые товарищи полегли в том бою. Меня тоже зацепило. Но не так серьезно, как Мишку. Пуля чиркнула по правой руке, прошла по касательной. В общем, фигня, а не ранение. Повезло. А вот моего дружка покоцало серьезно так. Затем я тащил Гризли на себе по лесистым горам Чечни. Километров десять. Не меньше. Мишка же у нас товарищ не мелкий, а очень даже наоборот. В нем тогда уже килограммов девяносто пять или сто было. Плюс оружие, боезапас и прочее снаряжение. Тяжко было. Но я пер вперед, как трактор по тундре. И бросить его я не мог. Десант своих не бросает. Да и не мог я его оставить. Друзей бросать нельзя. В детском доме у меня их не было, я как-то ни с кем там близко не сошелся. А тут у меня появился настоящий друг. И терять его я не хотел. У меня тогда такой настрой был серьезный. Если бы нам на пути попался очередной отряд «чехов», то я бы Мишку не оставил. Сам остался бы с ним до конца. Принял бы свой последний бой. Я знал, что так будет правильно. По-мужски.

Но все закончилось тогда хорошо. Противника мы не встретили и смогли выйти к своим. Потом был госпиталь и досрочная демобилизация из рядов вооруженных сил. Выплатили нам с Гризли мизерные компенсации за ранения и половину боевых. Другую половину наших денег украли чиновники в погонах, распилив их между собой. В те

времена это было в пределах нормы. И мы даже радовались, что все не забрали. Мы с Мишкой давно перестали смотреть на мир через розовые очки. Все в новой России делали деньги. И возглавляли этот процесс люди при власти. А военные чиновники тоже не сильно отставали в этом плане от своих гражданских коллег. Поэтому скандал устраивать мы не стали. Пускай подавятся эти ушлые офицеры из финчасти нашими кровавыми деньгами. Мы оба были рады, что вырвались из той кровавой и бездушной системы под названием российская армия. Все долги Родине мы отдали с лихвой и были свободны как ветер.

Хотя я до сих пор по прошествии многих лет не могу понять эту тему про долг Родине. Почему его должны отдавать одни, а другие граждане освобождаются от этой почетной обязанности? Почему то в армии я не видел сынков нынешних политиков, банкиров, чиновников и олигархов. Тех самых, что так пафосно и гордо обзывают себя элитой новой России и относятся к простым гражданам, как к быдлу. А ведь при том же кровавом тиране Сталине дети властимущих служили в армии и погибли при этом за свою Родину. Это было их почетной обязанностью. А эти вот не хотят совать своих избалованных детишек под чеченские пули. И при этом упорно настаивают, что другие должны отдавать этот самый пресловутый долг Родине. С какого перепуга? Закон должен быть для всех равным. А иначе на хрен он такой нужен!

Гражданская жизнь встретила нас неласково. Опаленные войной молодые пацаны там никому не были нужны. Из профессиональных навыков у нас